

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, two women are seen from behind, standing on a wooden balcony or bridge. The woman on the left wears a dark blue kimono with a wide, patterned red and white obi. The woman on the right wears a vibrant red kimono with a white obi. They are both looking out over a serene landscape. In the middle ground, a traditional Japanese wooden bridge with multiple arches spans a calm lake. The surrounding hills and trees are covered in brilliant autumn foliage, with shades of red, orange, and yellow. In the far distance, misty blue mountains rise against a soft, hazy sky. The overall mood is peaceful and romantic.

Юки Есимура

18+

Юки Есимура

Юки Есимура

<https://litres.ru/74322504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькими рассказами я повествую о многогранности любви с окраской Японии, которая встречается в современной жизни, со скрытыми чувствами и противоречиями, живущими внутри нас при увлечении человеком, беря во внимание общество, в котором мы существуем и воспитание. Являются ли эти чувства искренними или же это игра разума. Насколько мы готовы к принятию истинного мира, сплетению судеб, через какую призму разума и души мы смотрим на окружающий мир. Как это отражается на нашем выборе любимого. Приятного прочтения данного творения.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юки Есимура Юки Есимура

Глава

Рак'кэда ни

Каэру то мирэба

Кочо кана

(Арикида Моритакэ).

Что это?

Упавший цветок летит снова на ветру?

Нет! То порхает бабочка.

(Арикида Моритакэ).

От автора

Здравствуй друг, спасибо, что Вы выбрали моё произведение для прочтения. Сам замысел данного произведения носит сугубо развлекательный характер, для домашнего чтения, и развития вашей фантазии. Мне хотелось хоть немного скрасить Ваш досуг и одиночество. Пусть эти строки принесут Вам не забываемые впечатления и наслаждения от творения мною написанного. Всё, что на Ваш взгляд будет но-

ситель достоверность фактов, или Вы узнаете героев из жизни в некоторых персонажах, всего лишь совпадение и чистая случайность, но в каждом вымысле есть доля правды. Мои герои живые люди, со своими судьбами, и событиями на их жизненном пути. Так пусть существование лиц для нас будет за тонкой вуалью скрытости и недосказанности. Мы будем наблюдать за ними со стороны, не вторгаясь в пространство житейских событий.

Отдельно хочу сказать спасибо за поддержку моих друзей во время написания данного произведения. За участие в моей жизни, без поддержки я не смогла бы создать это творение.

Маленькими рассказами я повествую о многогранности любви, которая встречается в современной жизни, со скрытыми чувствами и противоречиями, живущими внутри нас при увлечении человеком, беря во внимание общество, в котором мы существуем и воспитание. Являются ли эти чувства искренними или же это игра разума. Насколько мы готовы к принятию истинного мира, сплетению судеб, через какую призму разума и души мы смотрим на окружающий мир. Как это отражается на нашем выборе любимого. Приятного прочтения данного творения.

Юки Ёсимура.

Юки Ёсимура.

Киото. Поздний вечер, окрашенный музыкой шелеста ка-

пель дождя, пузырями, надувающимися в лужах на улицах, освещённых фонарями. Кирпичная кладка коричневатого оттенка, облицованная серой плиткой понизу и коричневой крышей здания из двух этажей видневшегося из-за такого же забора, располагающейся на узеньком проулке встречает нас при подъёме по асфальтированной дороге. Улицы, которого стремится подняться вверх на пригорок городского ландшафта. Небольшая дверь из витого металлического прута и кованых лепестков, сказочно извиваясь, создает впечатление зарослей плюща, отделяет заборную кирпичную стену от лесенки к входной двери в дом. «Дом, принадлежащий Юки Ёсимура», выгравировано на табличке, весящей на стене под кованым фонарём над входной дверью небольшого здания. В прихожей за стеклянной входной дверью на вешалке два плаща мокрых от дождя. В корзине стоят мокрые зонты. Гостиная, плавно переходящая в зал. На столе посередине зала два бокала красного вина. Шоколад с развернутым уголком упаковки, надкусан и лежит на краю стола. Юки Ёсимура расположилась на стоящем диванчике в пространстве между комнатами, визуальнo разделяя их на два отдельных помещения по общей композиции. За спиной у нее находилась современная кухня с подсветкой. Мягким белым светом кухня давала освещение всему залу. При этом, не нарушая интимности встречи.

Возле окна, спиной в комнату, отодвинув штору рукой и опершись на оконную раму, вглядываясь вдаль через дымку

города, стоял Джиро. Капли дождя медленно скатывались по стеклу, а огни от фонарей расплывались звездами в туманке горизонта. За звуком дождя почти не было слышно проезжающих мимо дома по стекающим вниз глубоким лужам машин. Брызги из под колес машин ударяясь о металлическую кованую дверь звеня шумным водопадом.

-Ты знаешь? (немного задумчиво и протяжно, задумчиво глядя в глубину стоящего бокала произнесла Юки)- я решила писать, писать интересную историю.

Не дослушав объяснения Юки, словно очнувшись ото сна и резко встрепенувшись, Джиро перебил её:

-Ну, возможно в этом есть смысл. Ведь ты писала раньше стихи. - его голос звучал слегка игриво и радостно, как когда ребенок радуется, услышав благую весть от родителя или похвалу.

-Да уж. Писала стишки невзрачные...- еще более задумчиво произнесла Юки.

-Нет, от чего же, их можно было издавать, но ты, как всегда, из-за своей ложной скромности и застенчивости не захотела. А издательства бегали за тобой.

-Скажешь тоже, бегали, ну пару раз издали в какой-то газетенке и в журнале, да уж всеобщая знаменитость....

-Не лги хотя бы сама себе, я то помню это время.

-Нннда..., то время, время молодости и беззаботности. Хотела бы я вернуться в те студенческие годы.

Джиро чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не

только к словам Юки, но и к тому, что осталось невысказанным, а потом мягко отлепился от окна и шагнул в комнату, страхиая с рукава невидимые капли. Свет кухни лёг на его лицо тёплыми бликами, и улыбка вышла не игривой уже, а тихой, почти бережной.

— Знаешь, — он подошёл к столу, но садиться не стал, оперся ладонью о спинку соседнего стула, — «невзрачные стишки», как ты их называешь, пахли весной. И дождём. И чем-то таким, что люди ищут всю жизнь, а находят случайно, на странице в потрёпанном журнале. Ты просто не хотела, чтобы из этого делали шум. А теперь... теперь ты, хочешь не прятать, а строить. Целые миры.

Юки чуть приподняла бровь, будто хотела возразить, сказать что-то вроде «да брось, это просто идея», но встретила его взгляд — и не стала. Вместо этого она провела пальцем по кромке бокала, наблюдая, как по стеклу ползёт крошечная капля конденсата.

— Строить... — повторила она, пробуя слово на вкус. — Звучит так, будто это что-то огромное. А я боюсь, что у меня не хватит слов. Что я соберу историю из осколков, а она рассыплется, едва я допишу последнюю строчку.

Джиро тихо хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только понимание.

— А кто сказал, что она должна быть идеальной с первого раза? Пусть рассыплется. Соберёшь заново. Ты ведь всегда так делала: сначала — набросок углём, потом — слой

за слоем, пока не проступит то, что было спрятано внутри. Помнишь, как ты переписывала тот стих про сакуру раз двадцать? А в двадцать первый он вдруг стал не просто словами — он стал дыханием.

Юки слабо улыбнулась, и в этой улыбке мелькнуло что-то от той самой девушки из студенческих лет — нетерпеливой, горячей, готовой спорить до рассвета о значении каждого знака препинания.

— Ты всегда умел находить нужные слова, когда я теряла свои, — тихо призналась она, наконец-то поднимая глаза. — Даже если они были слишком добрыми, чтобы быть правдой.

— Не слишком, — спокойно возразил Джиро. — Просто правда бывает разной. Твоя — в том, что ты боишься. Моя — в том, что я знаю: ты справишься.

Он выпрямился, чуть склонил голову в сторону стола, где лежал надкусанный шоколад.

— Давай так: сегодня — ни строчки. Просто посидим, выпьем это вино, которое, кстати, ты опять выбрала с таким видом, будто это вопрос жизни и смерти... — он усмехнулся, наливая ей ещё немного, — а завтра... завтра ты откроешь чистый лист. И если ничего не придёт — ничего страшного. Если придёт хоть одна фраза — уже победа.

Юки посмотрела на бокал, потом на Джиро, и в её глазах, ещё недавно полных сомнений, затеплилось что-то новое — не уверенность, нет, но искра, робкая и живая, как огонёк свечи на ветру.

— Одна фраза, — повторила она, словно заключая договор. — Хоть одна.

И в этот момент дождь за окном будто чуть стих, словно город затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что только что родилось в этой тихой комнате среди капель, света и старых воспоминаний.

-А помнишь, как мы встретились? Как ты мне помогла. Говорят, случайностей не бывает.

-Ты о той знатной драке на задворках школы. Я уже думала, что ты забыл о ней.

-Как, как я могу забыть такое! Ведь ты практически спасла мою шкуру от хорошей взбучки, не когда не думал, что так хорошо может драться девчонка.

-Джиро мы же договорились не вспоминать кто я, для тебя я просто друг.

-Да, отличный друг, из старого семейства галантности с мафиозным прошлым.

-Ну, вот ты опять. Я тебя выгоню, если ты опять возмёшься об этом говорить.

-Я одного не пойму, как тебе удалось стать таким человеком и не пойти по пути предков?

- Все просто, я же, как ты говоришь девочка, а значит, на меня никто не возлагал столько обязанностей по бизнесу. Мама не настаивала даже после смерти отца. Мой брат младший занял эту нишу. Я же с успехом смогла взять псевдоним Юки Ёсимура, путем смены образа и одежды изменить на

мужской имидж. Стала тем, кем сейчас являюсь. Имея бес-
толкового друга, который сам со мной всё пережил, а теперь
мучает меня расспросами. Может, стоит мне расспросить,
как ты докатился до такой жизни?

- Ты была всегда моим любимым другом, и всегда я вос-
хищался тобой. В студенческие времена я восхищался тво-
ими произведениями и был влюблен в них. Ты была люби-
мым студентом профессора по литературе. Мне кажется, ты
изменилась, выглядишь такой печальной. А может, ты слиш-
ком самодовольна? В студенчестве, я хотел писать. И так
был одухотворён твоими произведениями, а сейчас я даже
не знаю, над чем ты работаешь и вообще пишешь ли.

Юки чуть вздрогнула, будто только сейчас заметила, что
Джиро всё ещё стоит рядом, а не ушёл, как она втайне на-
деялась. Пальцы крепче сжали край стола, но взгляд уже не
был таким колючим, скорее уставшим.

Джиро молча поставил перед ней чашку. Пар поднимался
тонкими завитками, и в комнате вдруг стало тише, будто да-
же дождь за окном притих, прислушиваясь.

— Ладно, не буду лезть, — спокойно сказал он, усажи-
ваясь на соседний стул, но не слишком близко. — Но если
вдруг захочешь про рассказы поговорить — я тут. Или вооб-
ще ни про что. Можно просто про то, какой сегодня отврати-
тельный день. Или про что-нибудь хорошее, если найдётся.

Юки покосилась на чашку, потом на него. Уголки губ
дрогнули, будто хотели сложиться в улыбку, но так и не ре-

шились.

— Ты всегда так... — она запнулась, подбирая слово, — неуместно спокойный?

Джиро пожал плечами и отпил из своей чашки.

— Просто знаю, каково это — когда слова давят. Когда кажется, что если скажешь хоть что-то, всё развалится. Так что... чай пока действует лучше любых расспросов.

Она тихо фыркнула — почти смех, но с горьковатым привкусом.

— Чай не умеет редактировать черновики.

— Зато он не будет ворчать, если ты его опрокинешь, — легко ответил Джиро. — И не станет говорить «ну вот, опять ты всё переписываешь».

Юки наконец-то улыбнулась — по-настоящему, хоть и совсем чуть-чуть.

— Ты ведь всё равно потом спросишь, — сказала она, осторожно обхватив чашку ладонями.

— Спрошу, — не стал отпираться он. — Но только когда ты сама будешь готова. А до тех пор... можем поболтать про что угодно. Про кота, который вчера пытался украсть мой бутерброд. Про то, что небо сегодня серое, как промокашка. Или вообще молчать. Тоже считается за компанию.

Юки опустила взгляд в чашку, где на поверхности чая дрожали отражения тусклого света.

— Кот — это уже неплохо, — тихо сказала она. — Рассказывай про бутерброд.

И Джиро, почувствовав, как напряжение понемногу отпускает комнату, начал рассказывать — просто, без пафоса, с той самой уютной небрежностью, которая как раз и нужна, когда внутри всё ещё немного болит.

Через минуту перебив его рассказ Юки с какой-то жалостью в голосе:

-Хорошо тебе говорить, ты совсем по-другому зарабатываешь себе на жизнь, а я вынуждена была писать ради того, чтобы заработать на еду, да и, что я хорошего писала. Разве эротические новеллы, это не произведения, это всего лишь инструмент к воплощению фантазии — смеясь, рассуждала Юки.

Юки приподнялась и потянулась к фужеру вина. Сделав глоток, продолжила.

-Я писала тогда всего лишь танки и небольшие стишки к новеллам. Издательства брали их и вставляли в свои произведения, платили не много бедному студенту.

Юки мягко, почти без шумно, поставила фужер на стол, и поднявшись с дивана подошла к старинному граммофону. Поставив пластинку, включила его. Граммофон стоял на старинной тумбе, сделанной из дерева с резными вензелями, и слегка шатаясь из-за звука, поскрипывала в тон музыке. С граммофона полилась милая мелодичная музыка с напевом нежным женским голосом. Под влиянием звуков всё в комнате погрузилось в какой-то сказочно замысловатый образ. Налет старины, как патина ложилась на этот вечер, распола-

гая к доверительному разговору.

-Редактор постепенно стал изменять текстовик и требовать всё слишком пошловатые стишки. В общем, так и сошло на нет все мои труды. Появились долги и кредиты - продолжила Юки.

Музыка накатывала волнами — негромкая, тягучая, с низким виолончельным гулом, будто вычерчивала в воздухе невидимые линии. Сначала никто не обращал на неё внимания. Но ритм постепенно проникал под кожу, сглаживая острые углы.

Джиро вдруг поймал себя на том, что уже не сжимает кулаки, а отбивает такт подушечкой большого пальца по столу. Юки заметила это и вместо привычной резкости тихо сказала:

— Знаешь, когда я была маленькой, бабушка включала что-то похожее, когда мне не спалось. Говорила, что эта музыка «укладывает мысли спать».

Джиро удивлённо посмотрел на неё — впервые за вечер без настороженности.

— У меня ничего не укладывается, — пробормотал он, но уже мягче. — Скорее, наоборот. Будто всё внутри начинает шевелиться, как будто я что-то забыл. Важное.

Юки чуть наклонила голову, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, как они прозвучали.

— Может, ты и не забыл, — тихо ответила она. — Просто не хотел вспоминать.

В этот момент мелодия сменилась: виолончель уступила место пианино — лёгкому, прозрачному, словно капли дождя по стеклу. И напряжение, которое висело между ними весь вечер, вдруг стало не врагом, а чем-то хрупким, почти красивым.

Джиро глубоко вздохнул, будто сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Я не отказываюсь от проекта, Джиро. Просто боюсь, что опять всё испорчу. В прошлый раз... ну, ты знаешь.

Джиро кивнул — без упрёка, просто признавая ее страх.

— В прошлый раз мы гнали вперёд, как на пожар. Давай в этот раз не будем спешить. Пусть будет медленно. Под эту музыку.

Он слабо улыбнулся — впервые искренне за весь вечер.

— Под эту музыку, наверное, можно даже горы двигать. Или хотя бы один упрямый проект.

Они оба рассмеялись, и этот смех стёр последние остатки неловкости. Разговор пошёл уже не о дедлайнах и ошибках, а о том, как лучше начать: с маленьких шагов, с чашки кофе утром, с одной-единственной страницы текста. И казалось, что теперь у них всё получится — просто потому, что они наконец-то слышали друг друга.

Она не сразу ответила, будто прислушивалась не к словам, а к тому, что пряталось между ними. Ветер тронул занавеску, принёс запах дождя с далёких полей. Он вдруг понял, что не хочет нарушать эту минуту ни вопросом, ни движением —

только сидеть и смотреть, как свет ложится на её профиль.

С воодушевлением вскрикнул Джиро:

- Может, я тебя познакомлю с одним редактором? И ты начнешь снова писать. Правда, он редактор, как раз по эротическим новеллам. Тебе придётся писать эротику. Ведь надо как-то зарабатывать деньги - слегка понижая тембр голоса, и с какой-то грустинкой произнес Джиро.

- Постой! Джиро ты серьезно? Ты хочешь, чтобы я писала эротику. Но ведь я женщина, меня не когда не поймут? Мне не дадут этого просто сделать. Да и разве это произведения. Ты знаешь «женщины, которые пишут такое, считаются распущенными». Да и, что за произведения литературные это. Скорей аннотация к действию.

-Я думаю, ты сможешь, ведь совсем не большие рассказы, потом ты же все равно живешь под псевдонимом. Ну, если хочешь, ещё один будет псевдоним. Я восхищался всегда твоими творениями, у тебя есть действительно талант. В конце концов, принесет достаточно хороший заработок. Да, данные произведения не литература, и такой текст раскрывает только о низменных сторонах человеческой души и похоти тела. В этом ты права, но ведь такой заработок может быть не навсегда, позже, как будет достаточная ситуация сможешь начать писать литературные произведения.

-Интересно, до какой черты скачусь ещё. Я не знаю, что тебе сказать и к чему это приведет. А откуда ты его знаешь, неужели это тени твоей прошлой жизни.

-К сожалению, да.

-Джиру, но ведь я так понимаю это мужчина, неужели ты увлекался мужчинами. Я не знаю о твоей такой стороне. Ты же знаешь, я обожаю яой. Я самая преданная поклонница таких отношений. И эта любовь неспроста.

-Ну, у нас с тобой много сторон. Хотя это женщина, и довольно привлекательная.

Она резко откинулась на спинку кожаного дивана, и тот жалобно пискнул, будто вторил её сомнениям. В комнате пахло пылью и остывшим чаем — за окном уже сгустились сумерки, и уличный фонарь бросал на пол дрожащий жёлтый квадрат света.

— Привлекательная, говоришь... -она невесело усмехнулась, крутя в пальцах потускневшую серебряную подвеску на цепочке. — Значит, не тени. Просто знакомая. И всё равно... звучит как ловушка. Как будто я сама себе подписываю приговор: «Да, я пишу про страсть, значит, и сама такая».

Джиро помолчал, глядя, как тени от решётки на окне ложатся на её лицо тонкими полосами. Он хотел сказать что-то ободряющее, но вместо этого просто протянул руку и накрыл её пальцы своей тёплой ладонью — не настойчиво, а так, словно хотел передать хоть немного уверенности.

— Никто не будет знать, кто ты, — тихо сказал он. — Ни один человек. Только я. И этот редактор. И даже если кто-то догадается... разве мнение незнакомцев должно решать, кем тебе быть? Ты пишешь не потому, что хочешь шокировать.

Ты пишешь, потому что слова живут в тебе, как дыхание. Пусть это будут короткие истории, пусть они будут... открытыми. Но в них всё равно будет твой голос. Твоя интонация. Твой свет, даже если он пробивается сквозь полумрак.

Она закусила губу, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха и странного, щекочущего предвкушения — будто стоишь на краю и знаешь, что прыжок неизбежен.

— А если я напишу одну... и мне понравится? — прошептала она, не поднимая глаз. — Если я вдруг пойму, что в этой «похоти тела», как ты говоришь, есть что-то настоящее? Что-то, что заставляет сердце биться чаще не от стыда, а от красоты? Что тогда?

Джиро чуть улыбнулся — впервые за весь разговор по-настоящему, без напряжения.

— Тогда ты будешь писать дальше. Или не будешь. Это твой выбор. Но я хочу, чтобы ты хотя бы попробовала. Не ради денег. Ради того, чтобы снова почувствовать: ты жива. Ты творишь.

Она глубоко вздохнула, словно набираясь смелости перед нырком в холодную воду, и наконец посмотрела ему прямо в глаза.

— Ладно, — сказала она, и в этом коротком слове прозвучало сразу всё: и страх, и решимость, и крошечная искорка азарта. — Дай мне контакты этого редактора. Но если окажется, что это какой-то хитрый план, чтобы свести меня с ума... я тебе этого не прошу.

Джиро рассмеялся — легко, свободно, будто с его плеч свалился тяжёлый груз.

— Договорились, — кивнул он, доставая из кармана потрепанный блокнот. — Но, честно? Думаю, она тебя полюбит. У неё чутьё на настоящие голоса. А у тебя он есть. Даже если ты сама в этом сомневаешься.

Получив заветный листок с цифрами номера, Юки с облегчением вздохнула и с интересом в глазах продолжила:

— Я так и не расспрашивала тебя о жизни в Кавасаки, может, поведаешь о ней.

— Да... Что рассказывать? Жизнь как жизнь, не лучше твоей жизни. Да и не хуже. Учился и работал. Можно, так сказать.

— Не скромничай, расскажи.

— Как-то раз зашла к нам в кафе одна дама. Я тогда был ещё студентом, и предложила неплохо подзаработать, обслуживая в сопровождении богатеньких женщин. Правда, я не думал, что меня так перевернут эти утехы. Я практически не думал о женщине в том русле, в котором я сейчас могу сказать, тогда их просто ненавидел. Их похоть и вожделение. Ведь ты помнишь, нас с отцом моя мать оставила, пропала, и мы думали, что она умерла. Я счёл всё это, как предательство. Хотя все было не так, как я об этом думал, вот только об этом узнал, когда вырос почти. Но когда начал работать в этом клубе я узнал и другую сторону женской натуры. Научился читать их желания, сокровенные мечты. Всегда зада-

ваясь одним вопросом "чего, на самом деле хочет женщина, какие тайны хранятся в её душе и теле".

Юки слушала, не перебивая, лишь изредка поднимая взгляд, будто пыталась разглядеть в его словах что-то большее, чем просто историю. В полумраке комнаты, где тени от ламп ложились на стол неровными полосами, его голос звучал непривычно тихо — так говорят, когда приоткрывают дверь в комнату, куда давно никого не пускали.

— А потом? — наконец прошептала она, подавшись чуть вперёд, и в этом движении было столько осторожного любопытства, что он невольно улыбнулся — впервые за весь рассказ.

Он помедлил, будто заново перелистывал страницы той жизни, и, покрутив в пальцах пустую чашку, продолжил:

— Потом понял, что «желания» и «мечты» — это вообще разные вещи. Женщины, которые приходили в клуб, заказывали одно, а глаза у них просили совсем другого. Одна, помню, всё время просила говорить с ней о книгах. Ни танцев, ни прикосновений — просто хотела, чтобы кто-то вспомнил, что она когда-то любила читать. Другая плакала в туалете, а когда я постучал, крикнула: «Уходи!», но через минуту сама вышла и попросила просто посидеть рядом. И я сидел. Молча. Держал её руку, пока дрожь не уходила.

Он на секунду замолчал, глядя куда-то сквозь стену, будто снова видел тот коридор с тусклыми лампами и ковром, который давно протёрся до основы.

— И вот тогда я и начал думать: может, все эти «тайны», о которых я твердил, вовсе не в том, чего женщина хочет от мужчины. Может, они в том, чего она не может сказать даже самой себе. А я... я просто оказался тем, кто готов был это услышать. Не как работник клуба, а как человек. И знаешь, что самое странное? Чем больше я их слушал, тем меньше оставалось той злости, что копилась с детства. Словно каждая такая история понемногу смывала тот лёд, что сковывал меня после ухода матери.

Юки кивнула, будто эти слова легли точно в пустоту, которую она и сама не замечала до сих пор.

— А когда ты понял, что всё было не так, как ты думал про мать? — спросила она тихо, почти шёпотом, боясь спугнуть эту редкую откровенность.

Он вздохнул, и в этом вздохе слышалась усталость не от работы, а от долгих лет, потраченных на то, чтобы держать обиду как щит.

— Это случилось, когда я уже ушёл из клуба. Получил письмо. Старый конверт, без обратного адреса, но почерк я узнал сразу. Она писала, что не бросила нас с отцом — её заставили. Какой-то долг, угрозы... Она уехала, чтобы нас защитить, думала, что так будет лучше. А мы с отцом всё это время считали её предательницей. Представляешь? Столько лет носить в себе эту горечь, а потом узнать, что всё было совсем не так...

Юки протянула руку и легко коснулась его пальцев — не

для утешения, а чтобы показать: она здесь, она слышит.

— Наверное, это самое тяжёлое, — проговорила она мягко. — Когда понимаешь, что ненавидел кого-то за то, чего он не делал.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение — будто, выговорившись, он наконец сбросил тяжёлый рюкзак, который тащил годами.

— Да, — кивнул он. — Но знаешь, в какой-то момент я перестал злиться и на себя за эту слепоту. Ведь я был ребёнком. А дети верят в самое простое и самое горькое объяснение, потому что оно хоть что-то объясняет. Теперь я стараюсь не судить так быстро. Ни других, ни себя.

Юки улыбнулась — тепло, без тени жалости, и в этой улыбке было столько света, что даже тени в помещении будто отступили.

— Знаешь, а я рада, что ты мне это рассказал, — сказала она, чуть склонив голову набок. — Теперь я понимаю тебя чуточку лучше. И, может быть, теперь ты позволишь мне иногда напоминать тебе, что не все истории заканчиваются предательством. Иногда они просто... ждут, когда их правильно прочитают.

Он ответил ей лёгкой улыбкой, в которой впервые за вечер не было ни горечи, ни защитной иронии.

— Пожалуй, я бы не отказался от такого напоминания, — произнёс он, и в воздухе между ними повисло что-то новое — не напряжение, а та самая редкая тишина, которая бывает

только между людьми, которые наконец-то начали друг друга слышать.

Джиро снова подошёл к окну и приоткрыл его. Запах дождя наполнил зал. Тихий шелест воды льющейся по асфальту и мелких капель падающих в огромные лужи доносился из-за окна. Закат практически обволок весь город полумраком. Ночь старалась завладеть своим временем.

- Уууу...так какие у них, сокровенные желания. Ну-ка поведай мне, например: какие сокровенные желания у меня - рассмеялась Юки Ёсимура.

Джиро повернулся от окна к Юки, и пристально посмотрел на Юки, она как прежде вытянув ноги вперед сидела на диванчике. Он решил подойти поближе, наклонился к самому лицу Юки и пристально посмотрел ей в глаза. Она, не моргнув вытаращила глаза на него. Они так играли в гляделки, с минуты две, и тут Джиро рассмеялся, плюхнулся на диванчик, стоящий напротив стола с другой стороны от места, где сидела Юки. Теперь их разделял стол на низеньких ножках, но достаточно большой в длину.

-Не когда не мог тебя пересмотреть. Ты особа очень наглая и бесстыжая. Совсем потеряла стыд, так смотреть на мужчину, как ты смеешь - в голос смеется Джиро.

-Ну ты сказал - смеясь ответила Юки -так раскрой мне мои тайны.

-А.., что их раскрывать? Я всегда о них тебе открыто говорил, что ты любишь в жизни две вещи, это писать и хоро-

шую семью с любящим тебя человеком. И это буду не я – смеясь, говорил Джиро.

-Правильно, не ты, потому что, как может брат любить свою сестру, как только по-братски -с улыбкой отвечала Юки.

-О...-протяжно застонал Джиро - я знаю намного больше, чем ты думаешь о любви во всех её проявлениях и коварстве. Мой опыт, мой бесценный опыт. В этой жизни может быть все. А похоть, один из сладостных грехов, весит над всеми нами, как дамоклов меч. Все же не уходи от разговора, я могу тебя познакомить с моей в прошлом клиенткой, хотя я бы больше назвал её наставницей. Так, я тебя познакомлю с ней, и ты наконец-то начнешь работать – игриво с искоркой в глазах говорил Джиро.

-Хорошо Джиро, но с условием. Все мои произведения с начало читаешь ты.

Через месяц, Юки сидела в приемной издательства. К ней на встречу вышла симпатичная стройная женщина, лет сорока с небольшим. В черном брючном костюме и галстуком, повязанным на голой шее. Ее очень маленькая грудь пряталась за лацканами пиджака застегнутого на две пуговицы. Судя по одежде, она относилась к нетрадиционной ориентации, хотя как можно было об этом судить Юки, она сама была сложным человеком. Но данный факт слегка снизил волнение Юки, и она точно знала, как расположить редактора в отношении себя, что давало надежду на успех в работе. Ре-

дактор, улыбаясь жестом руки, пригласила Юки в кабинет. Еще раз уточнила, с кем имеет дело и от кого получила рекомендации.

— Проходите, присаживайтесь, — голос редактора звучал мягко, но в нём чувствовалась сталь человека, привыкшего к беспрекословному выполнению своих указаний. — Чай, кофе? Или, может, что-то покрепче? У нас тут после обеда иногда хочется просто выдохнуть.

Юки покачала головой, стараясь не выдать, как дрожат кончики пальцев. Она сжала их в кулак под столом, спрятав руки в складках юбки.

— Спасибо, ничего не нужно. Я... я лучше сразу к делу. Чтобы не терять ваше время.

Редактор слегка приподняла бровь, будто оценивая эту прямоту, и откинулась на спинку кресла. На столе перед ней лежала папка с рукописью Юки — та самая, которую она отправила месяц назад, почти не надеясь на ответ. Папка была приоткрыта, и Юки заметила на полях несколько пометок, сделанных красным маркером.

— Вы знаете, что наше издательство ориентировано на определённую аудиторию, — начала редактор, постукивая кончиком ручки по столешнице. — Нам нужны истории, которые цепляют. Не столько глубокий психологизм, сколько... искра. Эмоции, от которых у читателя сердце начинает биться чаще. Вы умеете писать про страсть, про ожидание, про то, как один взгляд может перевернуть весь мир?

Юки кивнула, чувствуя, как внутри разгорается знакомый огонь — тот самый, что заставлял её писать ночи напролёт, забывая про сон и еду.

— Умею. И не понаслышке. В каждой моей истории есть кусочек меня. Может, поэтому они получаются... настоящими.

Редактор улыбнулась — на этот раз не дежурно, а искренне, и в её глазах мелькнуло что-то вроде одобрения.

— Вот это мне и нравится. Не заученные клише, а живая боль и радость. Мы хотим серию небольших книг — каждая как отдельный рассказ, но объединённый общей темой: «Моменты, которые меняют всё». Первая должна быть готова через два месяца. Сможете?

Сердце Юки подпрыгнуло где-то в горле, но она сумела сохранить спокойствие и лишь слегка наклонила голову.

— Смогу. Даже раньше, если потребуется.

Ещё несколько минут они обсуждали детали: объём, стиль, целевую аудиторию. Редактор время от времени делала пометки в блокноте, изредка задавая уточняющие вопросы, на которые Юки отвечала уверенно, чувствуя, как с каждым словом тает её первоначальное волнение.

Когда встреча подошла к концу, редактор встала и протянула руку.

— Рада, что рекомендации не подвели. Жду от вас черновик через неделю — хотя бы первые главы, чтобы понять, в правильном ли мы направлении движемся.

Выйдя из кабинета, Юки на мгновение прислонилась спиной к стене коридора, закрыв глаза. В груди бурлила смесь облегчения и азарта. Она сделала первый шаг. Теперь осталось главное — оправдать доверие.

Редактор достаточно известного издательства, по крайней мере, находившегося на слуху, предложила написать небольшое издание в легкой форме, о тех жизненных ситуациях в любви, с которыми мы все сталкиваемся, с описанием вожаделенных встреч. Издательство в основном носило развлекательный контент для мужской половины общества, хотя и благосклонно относилось к интересам женщин.

Японское общество всё же патриархально и не приветствует главенство женщин. По видимо это отразилось и на хозяйке редакции, потому столь открыто и явно редактор подчёркивала в своем образе свою склонность и предпочтения к нетрадиционной ориентации. Даже в обращении к ней стоило говорить в мужском роде. За хорошую работу сулил-ся очень даже неплохой гонорар. Небольшой аванс от гонорара она получила сейчас и была очень удивлена суммой и такой дорогой оценкой ее таланта.

И так, Юки Ёсимура теперь писатель, эротических брошюр новел. Хотя требования издательства к написанному произведению были весьма определенные, она хотела немного добавить в рассказ о реальной жизни женщин в Японии. Возможно, это мало будет интересовать мужскую часть читателя, но женскую наверняка заинтересует.

В комнате за большим письменным столом, приобретенным в честь начала нового пути в написании новелл, сидела в кресле поворотном Юки и вглядывалась в экран, стуча периодически по клавишам компьютера.

Джиро усевшись на стул за Юки, через плечо заглядывал в компьютер и читал шёпотом её строки «Юки Ёсимура - Любовь в естестве», проникаясь героями и тем, что происходило с ними на экране монитора. И так начнем...

ЛЮБОВЬ В ЕСТЕСТВЕ.

Йобай-данная традиция просуществовала в японской глубинке вплоть до конца XIX столетия. Суть обычая «крадущийся в ночи» заключалась в следующем: любой молодой человек под покровом ночи имел право проникнуть в дом к незамужней женщине, залезть к ней под одеяло и, если избранница была не против связи с ним заняться непосредственно восхитительным «Йобай». По логике, молодой человек должен быть знаком и с девушкой и её семьей. Об этом говорят старые Японские традиции. В случае беременности девушки, то молодой человек женился на ней. Обычно молодой человек был из знатного рода, и ему не было отказа не в чем. Таким образом, девушка обретала возможность выйти замуж наиболее выгодно для нее и ее семьи. В современном мире изменилось отношение к браку и поисков жениха, но суть осталась та же.

Я, Юки Ёсимура, с вашего позволения, хочу немного вне-

сти своей лепты в обозначении такого чувства как любовь. В меру своего познания жизненных устоев и красок чувств, одаренных нас божественной искрой, заложенной от рождения, представляю образы своих героев и расскажу, повествуя их истории чувств по возможности без окраса в свои собственные переживания, но обнажая те эмоции, которые они пережили.

Взглянув на современный мир, создается впечатление о холодном и бездушном мире, где жажда власти и материальных благ превыше всего. Все взаимоотношения, так или иначе, имеют под собой подоплёку. Женщины ищут мужчину, который позволит им жить в свое удовольствие, не зная нужды и не тратя время и силы на добывание средства к существованию, а мужчины покорную слугу, для продолжения их рода, или вовсе берущую на себя полную заботу о них, как о ребенке и содержащую их. Но можно найти и тех, кто верит в искренность чувства с заботой и нежностью, взаимным пониманием и, дорожа каждым мигом совместного существования. Не путаем с бабочками в животе. Провожая закат вдвоем, и встречая рассвет. Блуждая под звездами на улицах родного города, читая хокку и танка Абе Накаморо, Ки-но Цураюки, Отикоти-но Мицунэ.

Но, как бывает зачастую обычаи или общественное наре-
кание влияет на нас, с выбором партнера для жизни. Мы бо-
имся осуждения соседей или своих родных, друзей, в свя-
зи, с чем выбираем не тех, от которых трепещет сердце, а

как на их взгляд, тех, кто нам необходимы для пары. А наше сердце трепетом пытается подсказать, но мы так искусно обманываем его, идя на сговор с совестью и подчиняясь власти разума. При этом не малейшим образом не имеем даже представления о таком чувстве как любовь, так как не испытываем её даже сами к себе. Манипуляции и разнообразные извращенные техники подчинения человека, употребляемые в сторону жертвенного избранника, дают полное ощущение владения человеческим разумом и душой. Не задумываясь о боли и уроне психологическом, который мы приносим данным способом общения человеку, с жестокостью пускаемся в любовное плаванье. Гонка за достижением цели. Порой, не осознавая саму цель. Извращение ума. Стараясь максимально достойно от играть свою роль в обнажённой реальности придерживаясь несколько правил, во-первых всегда быть простым убеждаясь, что ваши отношения такие же, как и у остальных, подкрепленных мнением признанных авторитетами общества, второе - стремление приобрести предметы как можно больше и дороже, тем подымая свой статус выше в обществе, в третьих – нравиться всем, как лицом, так и внешней оболочкой, чем больше мы нравимся людям, тем больше мы становимся им необходимыми, и вершиной всего этого является достижение успеха, богатства и славы, тем самым достигая власти. Тем самым достигая превосходство над всеми остальными. Наша вселенная, подкрепляется семью смертными добродетелями. Всем известными с

детства это: жадность, зависть, лень, гордыня, чревоугодие, блуд, гнев, алчность. Общество пропитано полностью этими добродетелями, и мы идем на поводу общественного мнения и законов выживания, законов правления.

Наши прародители, так же не умели любить, да и не знали что значит любить. Подчиняясь законам общества и традициям, чему успешно обучали нас, совершать такой же выбор, жить теми же добродетелями и извращая понимание любви. Из поколения в поколение это передавалось, забывая об истинности значения чувств, которые как радуга окрашивают наше существование. Искра любви, зажжённая Богом в нутрии нас, стала прятаться как можно глубже в закоулках души, душа смиренно подчиняясь уловкам разума, пишущая под его диктовку план нашей судьбы. И все же мы ищем ответ на вопрос «что такое любовь» вдохновляясь на подвиги ради неё.

ТОМИКО.

1.

Так и наша героиня, женщина средних лет с пышными формами для Японии, с каре-зелеными глазами, широко раскрытыми смотрящими на этот мир через призму восприятия и фильтр своего осознания бытия, облачая его в более благородный вид. Она приехала в Киото с Осака. Выходец из провинциальной семьи с укоренившимися старыми устоями воспитания.

Когда отец (читавший старые законы и учение самураев) устанавливал все возможные запреты на самостоятельные действия, бесконечные унижения и подавления личности, убеждая её в том, что она не заслуживает любви, что жизнь ничего не дает, а только отнимает. Отец не сказать, что был домашним деспотом, как может показаться, но очень придерживался в воспитании всевозможным предписаниям старинных обычаев и правил. В душе, скорей всего он и любил своих домочадцев, но считал, что невозможно проявлять чувства в отношении их, так как тогда они сочтут это за слабость, а самураю в поколении это постыдно.

В дальнем углу дома, находилась комната, где он имел место для хранения доспехов и меча, катаны и дайто. Они достались ему по наследству от предков и были переданы лично в руки от его отца самурая. Он хранил их с честью и особой заботой. Так же хранились рукописи, доставшиеся с незапамятных времен. Время от времени он доставал меч и натирал его, полируя до идеального блеска. А вечерами запираясь в своей комнате читал книги и рукописи до полуночи. Мать Томико же не беспокоила отца в такие моменты и старалась не шуметь вблизи его комнаты. Правда она делала это не от страха, а скорей из уважения к отцу и дани предкам. В доме правили постулаты доктрин Бусидо.

Девочка подчиняется отцу, женщина - мужу, а если он погибал, то главой семейства становился старший сын. И её долг заключается в том, что нужно жертвовать собой ради

других, даже если это не приносит тебе удовольствие. Просто твоим родным не придётся за тебя краснеть, и это главное. Я цитирую писательницу Амели Нотомб, которая как нельзя лучше сказала про воспитание - «С утра до вечера мне вдалбливали наиглавнейшие жизненные истины: «Если к двадцати пяти годам ты не выйдешь замуж, то покроешь себя позором», «если ты смеёшься, тебе не стать изысканной женщиной», «если твое лицо выражает какое либо чувства, значит, ты вульгарна», «если признаешься, что у тебя растёт хотя бы один волосок на теле, ты непристойна», «если молодой человек поцелует тебя в щеку на людях, значит, ты шлюха», «если ты ешь с удовольствием, то ты свинья», «если спишь с удовольствием и до позднего утра, ты корова»..... И если ты удаляешься в туалет, чтобы облегчить свой мочевой пузырь, ты должна следить за тем, чтобы никто не услышал твое журчание, и вынуждена бесконечно спускать воду.

У японских женщин есть только обязанности. И главная из них - быть безупречной во всем. Следует лишь едва прикасаться к еде, даже если ты голодна. А главный долг - выйти замуж до 25 лет, рожать детей и молчать. А плотские удовольствия, наслаждений избегать, чтобы не потеть. И каждый раз, когда маленькой японской девочке хоть что-то не нравится, она слышит замечательную фразу: «Если тебе, не нравится так жить, у тебя есть выход. У тебя есть право покончить собой». В Японии самоубийство считается почетным.

Японские женщины далеко не жертвы, хотя можно так подумать, взглянув на общество и законы страны. Здесь во многом правят и сейчас обычаи, религиозные настроения и здесь не знают другой жизни. Но под влиянием западной культуры и сменой жизненных приоритетов появляются бунтарки, которые меняют свою жизнь в обществе и семье, что не может не отражаться на всё общество. Феминизмом вряд ли можно это назвать, но имеет большое влияние на жизненный уклад современной Японии.

Все же надо отдать отцу Томико должное, он все сделал, что бы дочь получила достойное образование и закончила один из видных университетов Осако. За счет того, что Томико росла хоть и в определенной строгости, и в подчинении старинным укладам обычаев, она выросла достаточно смелой и целостным человеком. Её характеру присущи такие черты как кроткий нрав и сдержанность, вежливость и предупредительность по отношению к окружающим. Скромность во всем, как эталон поведения в жизни. Так же жизненный опыт, приобретенный в университете, в общении с людьми разных национальностей, и с разными устоями обычаев и законов общества, дало определенные свои всходы. Она научилась отстаивать своё мнение, проявляя гибкость в суждении, рассудительности поражались учителя. Терпение и спокойствие её спутники сегодня.

2.

Брак Томико (перевод с Японского имени -хранивший

красоту ребенок) был, как полагается старым стереотипам, обговорён и выбран родителями.

«По традициям общества и религиозным догм, существует понятие «уважай и почитай мужчину, и презирай женщину». Здесь женщины чувствуют себя угнетёнными, не нужными в обществе и семье. Даже законодательство Японии не гарантирует равенства женщин и мужчин. Лишь недавно после войны Япония под натиском западной культуры стала менять свое отношение к женщине, как к матери и жене, и законодательно закрепила понятия равенства. Однако, было не легко изменить укоренившееся само значение статуса женщина в семье. Что на протяжении веков провозглашалось. Патриархат по-прежнему, имеет большое значение во многих семьях Японии. Это отражается, как в деспотичном отношении отца, так и в слепом повиновении жены мужу, и особенно в доминировании мужчины, который внутренне себя считает выше женщины».

Мужчина, которого выбрал отец в мужа Томико, был полноват и высокого роста по сравнению с Томико, не молодого возраста с множеством пристрастий, одно из них, это посещение фудзоку (публичных борделей), кябакура (кабаре клуб), пьянство и разгул царил в его жизни. При этом он занимал одну из престижных должностей в управе города и был зажиточным гражданином Японии. Разница в возрасте между ними достигала 18 лет.

Изрядно подвыпив, он под утро возвращался домой и

устраивал скандалы Томико, иногда доходило и до рукоприкладства. Томико вынуждена была терпеть этого человека. Он страдал травмированной психикой. Который испытывает удовольствие от издевательства над своей жертвой, как моральные, так физической боли. При этом он твердо уверен в том, что в этом виновата только сама Томико, вот если бы она была другой, но только даже он сам не осознавал, какой она должна быть. Вымещая все свои недостатки на ней, самоутверждаясь за счет её унижения, он испытывал наслаждения и удовольствие жизнью. При этом искренно себя считает жертвой.

В мире множество людей, страдающих от таких нездоровых отношений, вступают в брак, и не осознанно терпят издевательства. А самому тирану и психологическому насильнику даже не в дамок о том, что он калечит чужую жизнь, для него это в норме житейских событий. Проявляют они свое поведение и настоящую личность только после того, как точно убеждены, что жертва полностью попала под его власть. Все это напоминает сети, расставленные пауком для маленькой бабочки. - с размышлением и задумчивостью писала Юки Ёсимура. Джиро всматриваясь в лицо Юки хотел спросить - о чем она думает в этот момент и почему на её лице появилась серость и грусть?

3.

Так и в нашем случае, при знакомстве муж Томико казался очень галантным и интересным человеком, с чутким вни-

манием и нежностью. Он буквально очаровал родителей Томико и отец даже слышать не хотел о другом зяте. Более того финансовая поддержка фирмы отца и перспективы на развитие предприятия сулила большие выгоды. Отец был уверен, что его выбор самый лучший и взгляд на благостную жизнь тешил его самолюбие и эго. А интересы дочери не учитывались, да и что она понимает в жизни с её опытом, а мать всецело поддерживала отца ввиду того, что не принято оспаривать решение мужа и отца, более того ей казалось, что дочь будет вести счастливую жизнь в достатке. Это при современной жизни самое главное, успех, эффективность, владение и обладание, карьерный рост. А чтобы чем-то владеть и обладать надо уметь удерживать, для этого - надо быть сильным. Как раз именно такого человека напоминал будущий зятек. Более того она с гордостью на посиделках с такими же женщинами как она – домохозяйка, сможет рассказывать об успехах её зятя, и как великолепно она выдала замуж свою дочь. Как дочь домохозяйки, на то время уже, не вылезает из салонов и бутиков, ездит на самой крутой тачке, а муж на подержанной и выпрашивает у неё деньги раз в неделю, чтобы посидеть с друзьями в баре.

В Японии принято денежные средства, получаемые мужем, зачислять, прям на карту жены, дабы она ведет хозяйство и весь учет касаемый семьи и заботу о детях. Таким образом считается, что укрепляются семейные устои и освобождается мужчина от домашних хлопот. Работодатель зна-

ющий, что его сотрудник женат, просит предоставить данные карты жены, муж же с легкостью представляет их, конечно по желанию своему. Но при разводе жена всего этого лишается, и только назначенные алиментные средства на содержания ребенка впоследствии, получает жена, и небольшую сумму, обговорённую в брачном договоре на содержание её самой. Хотя зачастую ребенок остается с отцом по причине того, что он сможет больше дать ребенку, чем мать в материальном плане, и это легче сделать мужчине. Что излишний раз показывает, что всё сделано так в семейных устоях и законе, что бы не было возможности уйти женщины из брачных отношений.

Маме не удалось стать в браке, так называемым «боссом в семье», который распоряжается финансами, бюджетом, планируют покупки, принимает важные решения, при этом выполняет всю работу по дому. Это то, что в современное время, в основном получают, выйдя замуж женщины Японии. Ей досталась доля сдержанной жёнушки патриархального строя с полным подчинением и лишением своей собственной личности, под натиском муженька и высокоразвитого государства, в котором почитаются обычаи и традиции. Но в этой семье утрировано, так как муж является прямым потомком самураев. Приученная мать всегда жить в угоду другим и в услужение для одобрения и похвалы, с оглядкой на то, что скажут родственники или знакомые. И не дай бог кому-то не лестно отозваться или высказаться в сторону семьи

или неё, это был полный крах, она начинала во всем обвинять себя и страдать депрессией, доводя себя до не изнеможения физического и морального. Поэтому все её переживания выливались уймой заболеваний на физическом уровне, хотя все заболевания насели первоначально всего лишь психологическое начало или точнее психосоматическое.

Юки Ёсимура с немного странной иронией, выраженной на лице настукивая по клавишам, писала эти строки.

Джиро читая их, слегка почесывал затылок и снова перечитывал их, словно он кого-то узнавал в этих строчках.

4.

В первую брачную ночь муж Томико собрался и ушёл из дому, отсутствовал почти до утра. Под утро, еле держась на ногах, ввалился в её комнату. Выругавшись, чуть не упав на кровать, стал приставать к Томико, требуя ласки и покорности. От него сильно разило выпивкой и рвотой, запахами бара, где он находился, дымом сигарет. Его одежда была грязной из-за падений в баре и на улице, так же пахла бензином от машины и разлитым Саке.

Она пыталась его оттолкнуть и успокоить, но он, шатаясь на ногах вблизи кровати, грубо швырнул её за руку на пол. После чего навалился на неё всем телом, буквально упав. Его рука скользила по бедру, потихоньку проникая под ночную рубашку. Он пытался поцеловать, дыша перегаром в лицо.

Томико чуть не вырвало, слыша его запах. Чувствуя его движения, пыталась оттолкнуть его, упираясь руками в его

грудь. Но её сил не хватало даже как-то сдвинуть тело мужа, или немного выскользнуть из-под его туловища, лежавшего полностью, придавивши к полу. Томико еле дышала от тяжести тела мужа.

Он грубо раздвинул ноги и овладел ею. Она лежала молча, не шевелясь, лишь слезы медленно скатывались по щекам из зажмуренных глаз. Каждое движение колким ножом отдавалось в теле Томико. Наконец то, все закончилось, и он пополз на коленях прочь из комнаты, матерясь в её адрес.

Когда он, матерясь, выполз из комнаты и дверь за ним хлопнула, Томико ещё долго лежала на полу, не решаясь пошевелиться. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая только её прерывистым дыханием. Холод пола пробирался сквозь тонкую ткань ночной рубашки, но она не замечала этого — всё тело будто онемело, а в голове гулко стучала пустота.

Наконец, собравшись с силами, она медленно, опираясь на локоть, приподнялась. Каждое движение давалось с трудом, словно тело принадлежало кому-то другому. Дрожащими руками она подтянула подол рубашки, поправила ткань, будто этот простой жест мог хоть немного вернуть ей чувство порядка и собственного достоинства.

Томико села, прислонившись спиной к ножке кровати, и только теперь заметила, что в углу, на низком столике, тускло светится маленький бумажный фонарик — подарок её бабушки, который она зажгла накануне вечером, следуя старой

семейной традиции. Тёплый, едва заметный свет вдруг показался ей крошечным островком безопасности в этой чужой, враждебной темноте.

Она обхватила колени руками, пытаясь унять дрожь, и вдруг слышала тихий звук — не из комнаты, а откуда-то издалека, с улицы: первые крики петухов возвещали приближение рассвета. Новый день. День, который ей предстояло прожить.

В груди, сквозь оцепенение, робко шевельнулось что-то новое — не надежда, нет, пока слишком рано для надежды. Но упрямое, тихое осознание: это была первая ночь, но не последняя. И если она пережила эту, значит, сможет пережить и другие. Нужно только найти способ защитить себя.

Томико медленно поднялась, держась за кровать, чтобы не упасть. Подошла к окну, отодвинула тонкую занавеску. Небо на востоке уже серело, обещая рассвет. Она смотрела на эту полоску света, и в её глазах, ещё мокрых от слёз, постепенно разгоралось твёрдое, холодное решение: она не останется здесь просто так, не будет ждать, когда всё повторится. У неё есть тётя в соседнем городе, та давно звала её к себе, говорила, что поможет встать на ноги. Сегодня же, как только рассветет, она напишет письмо.

Сделав глубокий, рваный вдох, Томико тихо прошептала, будто проверяя, звучит ли её собственный голос: «Я выберусь отсюда». И впервые за эту бесконечную ночь слова не растворились в тишине, а остались с ней — как обещание,

которое она дала самой себе.

После чего она украдкой пробралась в ванную комнату и там сидя под душем, рыдая, провела остатки ночи. В её душе творился бардак сравнимый со смерчем, который вырывал с корнем всё, что было хорошего в жизни с детства, и подымал в воздух грязь и песок, осевший на душевных крыльях этой ночью. В голове звучали наставления отца, а перед глазами возникал образ мужа. Мысли о том, чтобы покончить с собой возникали все отчётливее, но она гнала их прочь. Она пыталась найти силы на продолжение жизни и подчинение жизненным устоям. Уговаривая себя, что завтрашний день все изменит. Ей казалось, что вода смывает не только грязь с её тела от сегодняшней ночи, но и её саму. За слезами и водой, бежавшими по лицу, она не видела рассвета и будущего в своей судьбе. Одним днем смылись все мечты и желания на будущее. Образ мужа становился все отвратнее и виделся деспотичным. Маленькой искоркой пробежалась мысль о разводе, она стала лучиком надежды на будущее. Но мысль была столь не решительной, что быстро спряталась в глубине складок души, растаяв как утренний туман.

Она вспомнила, как в юности, листая потрёпанные журналы, вырезала картинки уютных кухонь и маленьких садиков — там, где муж подаёт ей кофе в постель, а дети смеются, гоняя по траве рыжего щенка. В тех мечтах не было ни криков, ни тяжёлых взглядов, ни чувства, будто каждый её шаг выверяют и находят неверным. Идеализм её юности ри-

совал брак как тихую гавань, где можно наконец выдохнуть после всех детских страхов и стать просто счастливой. Реальность же оказалась тесной клеткой, где даже воздух был пропитан упрёками, а любовь превратилась в обязанность, которую она исполняла, словно заученную роль.

Под струями воды эти два мира столкнулись — тот, где она верила, что любовь всё преодолееет, и тот, в котором эта любовь медленно душила её. Искра мысли о разводе вспыхнула снова, на этот раз чуть ярче, цепляясь за обрывки тех старых мечтаний: «А вдруг я всё-таки смогу построить тот самый дом с садиком, но уже без страха?» Она не знала, хватит ли смелости сделать первый шаг, но сама возможность этого «вдруг» вдруг показалась ей не предательством, а робким возвращением к себе. Вода продолжала стекать по её плечам, но теперь в шуме капель ей слышалось не только прощание с прошлым, но и тихий, едва уловимый шёпот будущего — такого, каким она когда-то его себе представляла.

В Японии не принят развод, даже после столь серьезного решения и подписанных документов, женщины порой остаются жить в семье мужа. Развод для многих означает обречение на жалкое существование, так как на вторичный брак можно не рассчитывать. А в обществе ты становишься изгоем. Да и само общество, и законный порядок не особо поощряет женщин к одинокому существованию. На одной и той же должности женщины, по сравнению с мужчинами будут получать отличающуюся оплату труда, женщины значитель-

но меньше. Не говоря за оплату учебных заведений и всего остального для ребенка, или же ты должен оставить ребенка на попечительство отца, при этом возможно отец не даст тебе видеться с ребенком. В связи с этим развод требует много сил от женщины. В современном обществе, многое изменилось. И отношение к разводу тоже, но все же многие обстоятельства жизни остаются неумолимы в отношениях к женщинам.

В современном японском обществе отношение к разводу действительно стало менее стигматизированным, чем прежде, но глубинные социальные и экономические барьеры по-прежнему серьёзно осложняют выход женщины из брака.

Во-первых, сохраняется укоренившийся патриархальный уклад: даже если формально женщина имеет право на самостоятельность, на практике её социальный статус после развода нередко воспринимается как «пониженный». В небольших городах и традиционных сообществах ярлык разведённой женщины может влиять на отношение соседей, родственников и даже работодателей — отсюда страх стать «изгоем», о котором ты говоришь.

Во-вторых, экономическая уязвимость остаётся ключевым фактором. Разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами в Японии по-прежнему значителен: по данным ОЭСР, он один из самых высоких среди развитых стран. Это означает, что женщина, уходя из семьи, зачастую резко теряет в доходах, а найти работу с достойной оплатой и гибким

графиком (особенно если есть дети) непросто. К тому же система социального обеспечения не всегда способна компенсировать эту потерю, и риск скатиться в бедность вполне реален.

В-третьих, юридические и бытовые сложности с опекой над детьми продолжают играть решающую роль. Хотя формально права родителей равны, на практике суды в подавляющем большинстве случаев оставляют детей с матерью — но при этом не гарантируют ей финансовой стабильности. Более того, отец, даже выплачивая алименты, может сохранять значительный контроль над жизнью ребёнка, включая вопросы образования и переезда. Случаи, когда отец препятствует общению матери с ребёнком, хотя и не являются нормой, всё же случаются и крайне тяжело переживаются. При этом оставить ребёнка на попечение отца женщина решается редко: в японском обществе это может трактоваться почти как «отказ от материнства» и вызывать осуждение.

Кроме того, жилищный вопрос усугубляет ситуацию. Во многих семьях жильё оформлено на имя мужа или его родителей, и после развода женщина фактически остаётся без крыши над головой. Аренда квартиры в крупных городах стоит дорого, а банки неохотно дают кредиты женщинам с детьми из-за их «нестабильного» дохода.

Тем не менее нельзя отрицать и позитивные сдвиги. В последние десятилетия в Японии растёт число женщин, которые осознанно выбирают развод, несмотря на риски. Этому

способствуют развитию женского предпринимательства, появление центров поддержки разведённых женщин, а также постепенное изменение общественного мнения благодаря медиа и активизму. Молодые поколения всё чаще ставят во главу угла личное благополучие и психологическое здоровье, а не следование традиционным ролям.

Таким образом, хотя современное японское общество становится более толерантным к разводам, структурные проблемы — гендерное неравенство, экономическая зависимость, особенности семейного права и сила социальных стереотипов — по-прежнему делают этот шаг для женщины чрезвычайно трудным. И пока эти системы не будут перестроены, развод останется не просто юридическим актом, а настоящим испытанием, требующим огромных моральных и материальных ресурсов.

5.

Утром перед работой, она заехала к родителям и все рассказала им, прося забрать её. Но отец был не преклонен, ведь тогда значило, что он должен вернуть денежные вложения зятя, внёсшиеся в казну фирмы накануне свадьбы. Да и половину свадебных денег он тоже должен жениху. А его компания сейчас была в шатком положении, да и потерять связи в управе города означало полнейший крах. Отец отказал ей и велел уйти с работы и больше проводить время дома, готовить и ухаживать за мужем, а еще родить ему наследника

сына, вот возможно тогда он изменит отношение к ней. А так попросту нечего роптать на жизнь.

Мать, тайком погладив дочь по голове с сочувствием взглянув в её глаза, просила терпеть:

- Ведь отец и так с трудом тебя в 25 лет отдал замуж, потому что ты так долго училась.

Дочь молча кивнула, не в силах выдать ни слова — в горле стоял горький комок. Она знала: спорить с отцом бесполезно. Его слово — закон, а её чувства и страхи для него лишь досадная помеха, способная нарушить хрупкий баланс его дел.

Выйдя из родительского дома, она остановилась у калитки, глубоко вдыхая прохладный утренний воздух, будто пытаясь наполнить им пустоту внутри. Руки слегка дрожали, и она спрятала их в карманы пальто, чтобы никто не заметил. По привычке глянула на часы — до начала рабочего дня оставалось чуть больше часа, но возвращаться на службу она не собиралась. Отец велел уйти — значит, надо уходить.

По дороге домой ноги сами несли её по знакомым улицам, но мысли метались, как испуганные птицы. «Терпи», — шептала мать. Но сколько можно терпеть? Каждый день в доме мужа был похож на предыдущий: холодные взгляды свёкра, молчаливое презрение свекрови, равнодушие мужа, который, казалось, вовсе не замечал её существования. А теперь ещё и это давление — родить наследника, словно она не женщина, а сосуд для продолжения рода.

Дома её встретила тишина. Служанка, увидев хозяйку так рано, удивлённо вскинула брови, но, заметив тень на лице молодой госпожи, тут же опустила глаза и поспешила скрыться на кухне. Девушка прошла в свою комнату, села у окна и уставилась на серую полосу неба, едва начинавшую светлеть.

Внезапно в голове мелькнула мысль, от которой сердце забилось чаще: а что, если уехать? Не просить, не умолять, а просто собрать самое необходимое и исчезнуть. У неё оставались кое-какие сбережения — те самые, что подруги дарили на свадьбу, а она так и не потратила, считая их чем-то вроде тайного запаса на чёрный день. Может, этот день и настал?

Она встала, подошла к шкафу и выдвинула нижний ящик, где в старой жестяной коробке лежали деньги и несколько писем — от подруг, от университетских преподавателей, которые когда-то верили в неё. Пальцы скользнули по пожелтевшим конвертам, и в груди шевельнулось давно забытое чувство — надежда.

Но тут же следом пришла другая мысль, холодная и отрезвляющая: куда она пойдёт? У неё нет ни работы, ни жилья, ни поддержки. Отец отречётся, если она посмеет ослушаться. Мать будет плакать, но не посмеет перечить мужу. А муж... Муж наверняка устроит скандал, позовет полицию, объявит её беглянкой. И тогда позор падёт на всю семью, а отец окончательно разорится, потеряв не только деньги, но

и остатки репутации.

Девушка тяжело опустилась на кровать, чувствуя, как надежда тает, словно утренний туман под лучами солнца. Может, мать права? Может, действительно нужно просто стиснуть зубы и ждать? Ждать, пока что-то изменится само собой?

В этот момент дверь скрипнула, и на пороге появился муж. Он смотрел на неё с лёгким недоумением, словно не понимал, почему она здесь, в их доме, в этот час.

— Ты почему не на работе? — спросил он, нахмурившись. — Отец говорил, что велел тебе уволиться. Так чего сидишь? Иди готовь завтрак. Да и... — он запнулся, будто ему было неловко произносить это вслух, — отец ещё сказал, что тебе пора всерьёз подумать о ребёнке. Хватит тянуть.

Его слова прозвучали не как просьба и даже не как требование — они были похожи на приказ, сухой и бездушный, словно речь шла о каком-то заурядном деле, вроде покупки продуктов или ремонта кареты.

Она подняла на него глаза, в которых уже не было ни слёз, ни упрёка — только глубокая, звенящая усталость. И тихо, почти шёпотом, ответила:

— Хорошо. Сейчас всё сделаю.

6.

После смерти отца, через 6 лет брака, Томико все же решилась на развод с мужем, и ушла от него.

Томико некоторое время проживала с матерью, помогая

ей. Она совсем сдала со здоровьем после смерти отца. Томико ранее не знала, что мать, не смотря на жёсткость отца, очень любила его, но не когда в жизни даже мимикой лица не подала ему об этом знак, о чем очень жалела и переживала. Она считала, что из-за своей чувственности могла потерять интерес отца к себе. А теперь после смерти нет смысла в этом всем, жизнь пролетела, а так хотелось ей хоть на миг прижаться к нему без оглядки на все нормы поведения и согреться его душевным теплом, столь ей необходимым, как маленькому ребенку. Длительное время мать тосковала по отцу.

Томико видела, как с каждым днём в матери будто угасал какой-то внутренний свет. Та всё чаще сидела у окна, глядя в одну точку, и пальцы её, прежде твёрдые и уверенные, теперь бессильно теребили край платка. Разговоры становились всё короче, а паузы между фразами — всё длиннее. Томико старалась не давить, не лезть с расспросами, лишь тихо ставила рядом чашку тёплого чая и садилась неподалёку, чтобы мать чувствовала: она не одна.

Иногда по ночам Томико слышала, как мать всхлипывает за тонкой перегородкой, и сердце сжималось от беспомощности. Ей хотелось сказать что-то такое, что смогло бы хоть немного унять эту боль, но слова казались пустыми и неуместными. Вместо этого она начала доставать старые альбомы с фотографиями — те, что годами пылились в дальнем ящике комода. На одной из них отец стоял у порога, придер-

живая дверь, и на лице его, строгом и немного суровом, угадывалась едва заметная улыбка. Мать, увидев снимок, долго смотрела на него, а потом тихо прошептала: «Я ведь каждый раз ждала, что он обернётся. Думала, если покажу, как сильно он мне дорог, он станет смотреть на меня иначе... А теперь понимаю: он и так всё знал. Просто мы оба были слишком горды, чтобы сказать это вслух».

С того вечера что-то в их доме словно сдвинулось с мёртвой точки. Мать стала понемногу рассказывать — о том, как они познакомились, как отец однажды принёс ей букетик полевых цветов, спрятав за спиной, будто мальчишка, и как потом всю жизнь делал для неё маленькие, почти незаметные вещи: чинил расшатавшуюся ступеньку на крыльце, чтобы она не споткнулась, или заранее разогревал чайник, зная, что она вернётся уставшей. Томико слушала, затаив дыхание, и вдруг осознала, что эта сдержанная, почти скупая любовь была не холодностью, а особой формой заботы — такой, какую её родители умели дарить лучше всего.

Постепенно тоска матери не исчезла, но перестала быть глухой и безысходной. Теперь в ней сквозила не только боль утраты, но и тихая благодарность за прожитые годы. А Томико, глядя на то, как в глазах матери вновь появляется живой блеск, понимала: самое важное, что она может сделать для мамы сейчас, — просто быть рядом и позволить ей говорить. И пусть прошлое уже не исправить, но в этих рассказах отец словно возвращался в дом — не призраком, а живым

человеком, которого помнили и любили.

Через два года Томико получила предложение от одной компании из Киото на работу. После чего перебралась жить в Киото.

7.

Скоростной поезд мчался, поря над рельсами. За окном мелькали деревья. Томико расположившись в кресле, принялась читать книгу, которую она в папахх купила на станции. Она сливалась с описанием происходящего в издание, проникая в действие всем разумом и душой. Её душе хотелось свободы от всех предрассудков и навязанных видений жизни, жизненных приоритетов. Она впервые оставалась одна на неопределенный срок и могла посвятить себе жизнь на новом месте. В её голове возникали разные идеи и планы на жизнь смешанные с чувством тревоги и радости от одиночества схожим с порханием бабочек в животе, которому она не противилась, а шла на встречу. Одновременно читая книгу, она представляла героев и их быт. Тут же переносясь в свои мысли о будущем, она представляла, как будет проводить время, что ей предстоит совершить. Страницы шуршали под пальцами, а в голове сплетались два мира — тот, что был написан чернилами, и тот, что она рисовала сама. В книжном мире царили строгие правила и старинные обычаи: дамы в длинных кимано скользили по паркету, а мужчины в хакама вели неспешные беседы за котацу (низенький стол стоящий на татами). Она ловила каждую деталь — за-

пах воска от свечей, скрип половиц, тихий шёпот за приоткрытой дверью — и словно вдыхала эту атмосферу, делая её частью себя.

А потом нить повествования вдруг обрывалась, и она уносилась далеко вперёд, туда, где её ждала собственная жизнь. В этом будущем она была не просто наблюдателем, а главной героиней. Она видела себя стоящей на вершине горы, откуда открывался вид на бескрайние просторы, или сидящей в уютной кофейне, где за столиком напротив сидел человек, с которым можно говорить обо всём на свете. В этих мечтах она смело бралась за новые дела, преодолевала страхи и радовалась маленьким победам.

Иногда ей казалось, что книга — это мост между тем, что есть, и тем, что будет. Герои подсказывали, как поступить в сложной ситуации, учили терпению или, наоборот, решительности. И каждый раз, закрывая книгу, она чувствовала, что стала чуточку мудрее, а её будущее — чуть ближе и яснее. Томико не заметила, как погрузилась в сон за чтением книги.

Мир устроен так,

Что любой предмет проигрывает

При более близком знакомстве.

(Мура саки Сикибу)

«Повесть о Гэндзи»

Древняя Япония. Императорский сын, наслаждаясь роскошью и восхищением света, не устаёт пускаться в новые лю-

бовные приключения.

НЕЗНАКОМЕЦ.

ИОШШИ (с японского переводится как хороший).

Кареглазый, темноволосый мужчина на фото, средних лет с пухлыми щечками, милой улыбкой и коротко стриженной челкой смотрел на неё с фото.

ИОШШИ - интересное имя и редкое подумала Томико и одним кликом он теперь у неё в друзьях. Долго не пришлось ждать отзыва от него.

-Можно мне получить номер телефона от Вас? - написал Иошши.

-Хорошо, 10 10 102 37 89 0 -откликнулась Томико.

Видео звонок прозвучал немедленно, как только пришло сообщение.

-Да- тихим голосом произнесла Томико.

-Привет, мне приятно познакомиться с столь красивой девушкой - протараторил Иошши.

-Спасибо-в ответ робко произнесла Томико.

Смотря на экран телефона Томико, вглядывалась в человека по ту сторону экрана и ловила себя на мысли, что он ей до боли знаком, и отчасти казался родным, она не понимала, что происходит, почему столько эмоций вызвал этот незнакомец.

Он рассказывал о работе своей в Корее, работал менеджером на производстве. Сейчас здесь он и проживает. Подойдя к окну, сделал фото, на которой виднелось часть улицы и

проезжей части. Дальше он показывал свою комнату, где он живет. В ней стоял небольшой холодильник и телевизор, возле кровати небольшой столик. Все выглядело довольно приятно и чисто. Яркая лампа хорошо освещала лицо Йошши. Средне спортивного телосложения в белой футболке и спортивных брюках, с несильно выступавшим животиком, на подушках кровати расположился симпатичный мужчина лове-лас. В нем все говорило о неутоленной жажде любви. Казалось, его запах духов проникал в комнату через маленький экран телефона. Со слов Йошши, он в комнате проживал один. И действительно, признаки присутствия другого человека в виде фотографий или каких-то вещей полностью отсутствовали. Хотя и ощущения обжитого помещения тоже не было. Все было как-то хладно чисто. Он говорил, что проживает в Корее уже больше двух лет, но в комнате так и не обжился.

Йошши, старательно рассказывал о себе, а Томико ловила себя на мысли, что так привлекает и манит в его лице, почему ей кажется оно столь знакомым. Весь день и вечер они проговорили по телефону, узнавая, друг о друге все больше и больше.

Он рассказал ей о своем первом браке. Который не удался, с его слов. Об этом браке мечтали его родители и по договору с родителями избранницы они поженились. Через год он с успехом получил развод. С тех пор он живет один и не смог найти себе достойную избранницу. Из родственников

он общается только с сестрой.

Толи по тому, что эта история судьбы другого человека, так похожа на её личную, то ли ей самой, так одиноко, что она с удовольствием проникалась в его рассказ.

Её глаза наливались блеском счастья от смеха над шутками Йошши, он же был щедр на комплименты.

Он искал спасения от одиночества по ту сторону телефона, а она была не против общения с ним, и не принужденному разговору.

Йошши предложил, прогуляется по городу, хотя это прогулкой не назовешь, ведь все происходило в рамках общения через телефон.

На телефоне появилась надпись о загрузке видео. Томико была удивлена ей, так как общение с Йошши шло в прямой связи с ним через видео звонок. И тут он появился на экране уже на улице. Он ей показывал улицы города, в котором находился, и этот город был в другой стране по ту сторону телефона. Но у неё складывалось ощущение, что они идут рядом и ведут занимательный разговор. Их плечи слегка соприкасались при каждом шаге. А тепло общения сочилось сквозь экран. Его шутки срывали смех с её уст.

На экране телефона виднелась хлебопекарня, и казалось, что запах свежи испеченного хлеба, проникал в комнату. Столики уличного кафе манили присесть и заказать чашку кофе. Пирожное блистали разноцветными украшениями, и их хотелось взять в руки. А яркие фонари улиц светло освещали

щали все закоулки города. Машины мчались на встречу вечерней зари. Свет фонарей падая на его лицо, мягко освещая улыбку, и блеск глаз завораживал на экране взгляд. Томико полностью пронизывалась атмосферой вечера и романтики встречи. В скорости они оказались возле входа в его дом, где располагалась его квартира.

Близилась ночь. Он корректно с ней распрощался, пожелав приятного ночного сна.

Томико, залезла в кровать под одеяло, и долго лежа вспоминая картинки улиц далёкого города и столь милого нового знакомого. Она невольно погрузилась в мечты о встрече. Её разум рисовал фантастические свидания. Где они катались на качелях в парке с благоухающими цветами. Он потихоньку приобнимет её за талию. Его теплые губы тайком прикасались к её шее, а голос шёпотом звучал в ушке. Потом следовал поцелуй за поцелуем. Томико уснула под утро в милых грезах.

Утром вновь раздался звонок и голос из телефона, пожелавший доброго утра, четко обозначил, что вчерашний незнакомец настроен решительно на продолжительные отношения.

Томико была удивлена столь быстрому интересу к её персоне. Она считала, что её внешность не столь привлекательна, а значит, она не может заслужить интереса к своей персоне. Тем не мнение Йоши настаивал на том, что он хотел бы продолжать знакомство и ему пора жениться, да еще сестра

настаивает на его браке.

Июшши сейчас находится в другой стране, но он хочет, чтобы я его ждала приезда- в голове звучало. Но в качестве кого я его буду ждать – её настигла мысль.

-Июшши сан, скажи в качестве кого я буду тебя ждать? - поинтересовалась в переписке Томико.

Июшши в ответ:

-в качестве жены....

Томико задумалась, а нет ли здесь подвоха. Мы совсем не знакомы с ним. Я практически не чего не знаю о нем, всё, что знаю это вчерашний разговор. Но насколько его рассказ о себе правдив. Является ли он тем человеком, о котором он рассказывал. Томико залезла на его страничку и опять постаралась просмотреть ленту в Инстаграмма, но с большим вниманием к деталям, которые могли бы рассказать о нем. Но не чего не нашла. И тогда пришла мысль: «Может мне ему подыграть и тогда я пойму, что происходит».

Вечером того же дня Томико опять общалась с Июшши в переписке. Июшши стал не прозрачно намекать на близость с Томико. Она решила ему подыграть.

Из переписки:

-Мне нравятся женщины с пышными формами, хорошими бедрами и большой грудью.

-Ты хочешь сказать, что я в твоём вкусе?

-Бёдра должны быть мощные.

-))))).

-А грудь тоже ничего. А про грудь поясните.

-Вам написать размер. Обнять хочу.

-Не стоит. Мне и так они приятны для осмотра. Я давно тебя обнял уже, и не куда не отпущу. Мы с тобой лежим рядом. Люблю симпатичных женщин. У меня давно не было женщин.

-Чего ты хочешь?

- У меня нет ваших фото. Вы мне еще их не прислали. Секса. Очень хочу секса.

-Ну, представь себе))))).

-Я не смогу. Я сам не смогу.

Раздался звонок телефона, томный голос Йошши бархатом стелился из трубки, произнося её имя: - Томико, Томико, Томико.... Дыхание сбивалось все больше и больше.... Я, хочу слышать твоё дыхание.... Твой стук сердца.... Хочу чувствовать твои руки ... Тепло твоих объятий... Как горячи твои губы... О как горячи твои губы... Это сладостно, горячо в твоих губах утопать... Я тебя ласкаю руками глядя по бедрам сзади и переходя плавно на внутреннюю сторону бедер двигаясь медленно к вульве. Я целую, твою шею с боку и медленно перехожу на перед опускаясь все ниже в складку твоих груди.

Томико не издавала ни звука, она словно замерла от его голоса, слушая, что происходит по ту сторону, при этом холодок пробежался по её телу. Голос полушёпотом звучал из трубки. Возбуждая фантазии и перенося их на тело.

В разрез с умом, тело говорило о своем, оно словно просыпалось от сна. Наполняясь живительным теплом. Она потянулась. Его голос звучал не только в ушах, но и в голове.

-Мои руки тебя обнимают, я ласкаю тебе грудь своим языком, твои соски твердеют и грудь наливается возбуждением, твое дыхание учащается, порой прорывается стон - Иошши шептал в телефон.

Мои руки по внутренней стороне бедра проникают внутрь промежности, и я нащупываю губы вагины. Мои пальцы проникают сквозь них, и я чувствую твой клитор. Он наполняется и увеличивается под лаской моих пальцев. Я скольжу вниз и достаю влагу из влагалища, минуя внутренние лепестки распускающейся розы. Твои ноги пробирает мягкая дрожь, и они распахиваются передо мной как врата в рай.

Томико понимала, что все это всего лишь игра, но не могла совладать с эмоциями, её тело покрывалось мелкой дрожью, а шёпот голоса Иошши проникал в самые потаенные уголки тела. Вульва, наполняясь живительной влагой, клитор твердел. Её дыхание постепенно сбивалось и тяжелело.

Мой язык медленно скользит вниз к пупку, я целую твой живот. Мои руки обнимают тебя за бедра. Одной рукой я провожу по внутренней стороне бедер к вульве. Прикоснувшись к её губам, медленно их раздвигаю и нащупываю клитор. Мой кончик языка прикасается к клитору, а губы обнимают и захватывают твои внутренние губы, и я их целую в засос. Я ласкаю твою вульву, и она расцветает как цветок

лунной ночи, её врата набухают и покрываются влагой, каждый лепесток буквально стонет о наслаждение, лаская языком проникая все глубже, в сердцевину розы, она наполняется нектаром - твердил Йошши.

Вторая рука обнимает твои бедра и скользит по ягодице вниз к промежности и нащупывает, где заканчивается ягодица и начинается вульва. Я возвращаюсь меж ягодицами наверх и нахожу отверстие, пульсирующее под моими пальцами. Я, снова проникая со спины в влагалище набирая влаги двигаюсь к столь манящему пульсирующему отверстию и ласкаю его по тихонько проникая во внутрь.

Томико, как во сне чувствуя, каждое слово на своем теле, изгибалась под натиском ощущений и еле сдерживала стон.

-Я проникаю сквозь твои горячие влажные врата, обнимающие мою плоть. Он словно меч скользит в свои ножны, с каждым движением ощущения обостряются и становятся более реалистичными. От соприкосновения плоти с плотью фаллос разбухает и твердеет все больше и больше, а вульва начинает сжиматься с каждым глубоким входом внутрь пака не столкнётся с стенкой слегка создавая боль, приятную оттеняющую экстаз боль. Твои стоны ласкают мой слух, они так нежны и громки, что возбуждают еще больше, влага сочиться из чрева твоей розы - шептал Йошши.

Томико потихоньку застонала, её сердце билось так громко, что заглушало шум улицы за окном, влагалище вторило в след, за шепотом Йошши, ей казалось, что она полностью

погружена в ласковый сон, и лишь разум вторил " очнись здесь ловушка, очнись".

-я почти достиг наслаждения, помоги мне немного, я хочу услышать твой голос стона от наслаждения моей нежности.

Томико громко простонала и почувствовала, как вульва забилась словно сердце. Влага быстро наполнила все уголки влагиалища. Тело трепетало, словно птица бьется в руках пытаясь вырваться на волю. От этого дыхание еще больше участилось, и наслаждающийся оргазм достиг вершины. Теперь её голос невозможно было сдержать, она стонала в забытьи все громче и громче, а по ту сторону доносился стон наслаждения Йошши.

Тут Томико почувствовала, как её кто-то трясет за плечи и зовет. Молодой человек будил от сна.

-Проснитесь-тян, прошу вас, проснитесь! Вам на выход скоро, мы подъезжаем, и вы сильно стонали. Наверное вам приснился плохой сон? - поинтересовался молодой человек и мило улыбнулся, взглянув на книгу. Книга пестрила обложкой.

8.

А Томико, очнувшись от сна поняла, что в забытьи она все перенесла на себя из написанного рассказа, хотя было столь реалистично, и её стон могли слышать другие пассажиры поезда. На щеках проступил румянец стыда. Рука невольно потянулась к щеке, пылающей от стыда и недавнего возбуждения. Она быстро собрала вещи и хотела двинулась к выходу.

Поезд плавно замедлил ход, приближаясь к вокзалу Киото. Томико захлопнула книгу и посмотрела в окно: город раскрывался перед ней, словно старинная гравюра — аккуратные крыши домов, извилистые улочки, вдалеке — тени гор, будто нарисованные тушью. Сердце забилося чуть быстрее. Это был её новый мир, и он манил своей загадочностью.

Собирая вещи, она вдруг поймала себя на мысли, что не испытывает привычного желания позвонить кому-нибудь и рассказать о своих чувствах. Раньше она всегда делилась каждым важным моментом с подругой или мамой, а теперь ей хотелось прожить это мгновение в тишине, сберечь его только для себя. На выходе догнал молодой парень и протянул визитку с его номером телефона. Она взяла её с поклоном, посмотрев, увидела, что это визитка хостес-клуба, кябакура молодых людей на заказ.

На перроне пахло дождём и свежими булочками из ближайшей пекарни. Томико глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух нового города проникает в лёгкие, наполняя их предвкушением чего-то большого и неизведанного. Она достала из сумки листок с адресом съёмной квартиры — небольшой комнаты в старом доме неподалёку от реки Камо. Путь туда лежал через узкие улочки, где, казалось, время текло медленнее, чем в остальном мире.

По дороге Томико то и дело останавливалась, чтобы рассмотреть детали: резные деревянные ставни, крошечные сады за низкими оградами, вывески с иероглифами, которые

она старательно пыталась прочесть. Каждый уголок шептал ей: «Ты здесь своя, просто дай себе время это почувствовать».

Добравшись до дома, она поднялась по скрипучей лестнице и открыла дверь в свою новую комнату. Пространство было небольшим, но удивительно светлым: сквозь раздвижные двери просачивался мягкий свет, а из окна открывался вид на старый клён, чьи ветви покачивались на ветру. Томико поставила сумку на пол и медленно обошла комнату, прикасаясь к вещам — к прохладной поверхности стола, к шершавой стене, к тонкой ткани занавески. Здесь всё было чужим и в то же время будто ждало именно её.

Она подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу, где жизнь текла своим чередом: старушка поливала цветы у крыльца, мальчишка гнал по тротуару бумажный кораблик, а где-то неподалёку звенел колокольчик в дверях маленькой лавки. Томико улыбнулась — в этом будничном шуме она услышала обещание новых историй, которые ей предстояло прожить.

Завтра начнётся работа, новые знакомства, рутина и открытия. Но сегодня у неё был этот тихий вечер, когда можно было просто быть — без спешки, без оглядки на чужие ожидания. Она села на пол у окна, поджав ноги, и закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Тревога ещё жила где-то внутри, но радость от свободы становилась громче, расправляя крылья где-то в груди. Томико знала: она сделала правильный шаг.

И теперь ей не терпелось узнать, куда приведёт её эта дорога.

9.

Юки остановилась в написании и стала потягиваться на кресле. Рядом сидящий Джиро дочитав строки, смотрел с удивлением на неё и ждал её реакции. Она посмотрела на него через плечо.

- ну чего ты, что рот открыл, ты что думал, что я не буду описывать это. Но ты сам мне предложил писать новеллы.

- нет, не это меня смутило, а что возможно женщину возбуждать словами без ласок и почему она так реагировала.

- о боже - со вздохом произнесла Юки - все просто. Это доказательство того, что женщина верит всему и любит ушами. И это действительно так, вся суть женской натуры отображается в этом, тяга к общению заложена в самой женской психологии. Приятные слова, дающие надежду на мечту, но сказанную мужчиной с уверенностью и мнимым доказательством обеспечивает, как минимум настройку на положительный результат. Она думает, что на неё обратили внимание, и она пользуется популярностью, она отличается от других, она привлекательна. Это оценка поднимается, и вырабатываются определенные гормоны, которые в свою очередь дают чувство счастья. Это как шоколадку съесть или секс хороший получить. То есть это само по себе предрешиено. Поэтому мужская половина человечества этим пользуется. Конечно, не кто об этом не задумываться, но факт. Знаешь, я ду-

маю, что все же не женщина выбирает, а мужчина. Хотя всё общество завуалировано убеждает нас в том, что женщина. Конечно, если мужчина умеет хорошо владеть словесностью и ещё он манипулятор, то женская половина просто в опасности перед таким мужчиной. Он заставит её подчиниться и сметет напрочь все преграды, выстроенные ею. Но если женщина заподозрит его в обмане, то сразу всё рухнет. Это как паучья сетка, порвется. Но самое страшное во всем этом то, что она будет, ещё долго оправляется от таких отношений и встречи. Когда же такой мужчина просто перешагнет через неё. Он даже не будет думать об этом, будет считать, что она сама виновна. И почему я тебе это объясняю, ведь ты ловелас еще тот. Сам дашь фору самому Казанове.

— Да уж, — усмехнулся собеседник, лениво откидываясь на спинку стула и чуть прищуриваясь, будто разглядывая Юки сквозь тонкую дымку размышлений. — Ты сейчас нарисовала такую мрачную картину, будто все мужчины — сплошные пауки, а женщины — беззащитные мухи. И знаешь, в чём ирония? Ты сама сейчас говоришь с позиции той самой «жертвы системы», которую только что так ловко расписала. Будто сама веришь в эту схему до последней запятой.

Юки на секунду запнулась, её уверенный тон дал трещину, и она нервно поправила прядь волос, будто пытаясь вернуть себе ту самую твёрдость, с которой только что вещала.

— Я не про всех, — буркнула она, чуть нахмурившись. — Я про тех, кто умеет красиво говорить. Про тех, кто знает,

куда нажать. С ними любая расслабится и поверит в сказку. Это не про слабость, это про биологию, про химию мозга. Ты не можешь отрицать, что слова имеют силу.

— Не могу, — спокойно кивнул он, и в его голосе не было ни насмешки, ни вызова, только спокойная уверенность, которая почему-то раздражала Юки ещё сильнее. — Слова — это оружие. Но знаешь, что забавно? Паутина, о которой ты говоришь, не всегда плетётся намеренно. Иногда мужчина и сам не понимает, что уже заманил. Он просто хочет нравиться, хочет быть нужным, хочет, чтобы на него смотрели так, будто он — целый мир. И он начинает говорить то, что, как ему кажется, хочет услышать женщина. Не из расчёта, а из отчаянного желания быть любимым. И вот эта искренность, смешанная с попыткой угадать, бывает куда опаснее холодного расчёта.

Юки фыркнула, но уже без прежней горячности.

— Ты сейчас пытаешься их оправдать? Мол, бедные мальчики, они не хотели никого ловить, они просто хотели, чтобы их погладили по голове?

Он пожал плечами, уголки его губ тронула лёгкая, почти незаметная улыбка.

— Я никого не оправдываю. Просто мир редко делится на чёрное и белое. Да, есть те, кто сознательно пользуется словами как инструментом. Казановы, ловеласы... вроде меня, как ты метко подметила. Но есть и те, кто просто теряется в этом танце ожиданий. И женщина в этой игре — далеко

не пассивная фигура. Ты сама сказала: она верит, она хочет верить. Значит, она тоже участвует. Она выбирает услышать именно это, а не что-то другое. Может быть, не мужчина выбирает, и не женщина... может, они просто находят друг в друге то, что оба хотят видеть.

Юки замолчала, уставившись в чашку с остывшим чаем, словно пытаясь разглядеть в тёмной жидкости ответы на вопросы, которые даже не успела задать.

— Звучит так, будто ты пытаешься снять с себя всю ответственность, — наконец тихо произнесла она, не поднимая глаз. — Удобная позиция.

— Возможно, — не стал спорить он. — Но разве не в этом суть? Мы все ищем удобные позиции. Ты сейчас сидишь тут и с такой страстью разоблачаешь мужскую хитрость, потому что тебе так спокойнее. Так ты чувствуешь себя умнее, дальше от ловушки. А я сижу напротив и пытаюсь объяснить, что ловушка — она не снаружи. Она между нами. В том, как мы смотрим друг на друга, в том, что мы готовы принять за правду.

Юки подняла на него взгляд, и в её глазах мелькнуло что-то новое — не раздражение, а скорее усталое понимание.

— И что теперь? — спросила она почти шёпотом. — Как из этой паутины выбраться? Или хотя бы не попасться?

Он снова пожал плечами, но на этот раз в этом жесте не было ни легкомыслия, ни бравады.

— Думаю, никак. Да и зачем? Иногда эта паутина — един-

ственное, что не даёт нам упасть. Главное — помнить, что она из слов. А слова можно разорвать. Или переплести заново. Ну, хватит тебе, пожалуй, я даже не догадывался об этом, значит они все во мне искали того, кто их умело обманет и даст иллюзию любви. И удовлетворит их похоть. Хотя она многим жертвовала, честью, браком, своим психологическим состоянием. От чего же они бегут из семьи.

- бывает такая жертва, кажется намного безопаснее и приятнее, чем само действие в отношениях с избранником. Иллюзия слаще - Юки задумчива смотря, рассуждала. - Все намного сложнее и просто одновременно, и порой женщина даже не осознает, что она проходит. Потом разочарования и стресс, а порой не обратимые потери и разрушения, как в жизни, так и в психике. Вообще-то я считаю данное событие, что произошло с героиней книги, которую читала Томико и перенесла на себя, можно сравнить с изнасилованием, только мнимому согласию. Путем манипуляции и обмана. Лож, завораживающая изначально, словно змей обольститель шептал на ухо ей.

- Я даже не думал об этом, я просто шёл на поводу их эмоций и того, что им нравится. Мне казалось, что я удовлетворяю их похоть и потаенные желания. Как я ошибался- с грустью произнес Джиро.

— Тишина повисла между ними, густая, как предгрозово́й воздух. Юка медленно повернула чашку в пальцах, глядя, как свет ложится на керамику, и будто пыталась разгля-

деть в этом простом движении ответы на вопросы, которые не решалась задать вслух.

— Ты не столько ошибался, Джиро, сколько был слеп, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Мы все бываем слепы, когда нам хочется верить, что мы всё делаем правильно. Что если даёшь им то, чего они просят, — значит, ты хороший. А правда в том, что чаще всего они сами не знают, чего хотят. Просят одно, а ждут совсем другого. И когда ты даёшь ровно то, что они назвали, им этого вдруг становится мало. Или слишком много.

Джиро провёл ладонью по лицу, словно стирая с него усталость долгих лет, которые вдруг навалились разом.

— Получается, я был не участником, а инструментом. Подстраивался под их ожидания, натягивал на себя нужные маски, лишь бы не видеть пустоты за их взглядами. А теперь понимаю: чем старательнее я пытался быть тем, кого они хотели, тем дальше уходил от самого себя.

Юка наконец подняла глаза, в них не было ни осуждения, ни жалости — только тихая, горькая ясность.

— И в этом самая большая ловушка. Мы так боимся разочаровать других, что позволяем им ломать нас по кусочкам, думая, что это и есть любовь. А потом оглядываешься — и не узнаёшь ни себя, ни свою жизнь. Как будто кто-то другой жил её за тебя.

Джиро горько усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только признание поражения.

— Теперь мне кажется, что все эти годы я строил карточный домик из чужих желаний. Дул ветер — я подставлял плечо, чтобы не рухнуло. А он всё равно рухнул. И хорошо, что рухнул, — добавил он после паузы, голос его стал твёрже. — Потому что только под обломками я смог нащупать что-то настоящее. Себя. Пусть пока это просто тень, но она моя.

Юка кивнула, будто соглашаясь с чем-то давно известным ей одной.

— Иногда разрушение — это не конец, а освобождение. Как сбросить тяжёлую, пропитанную чужими слезами и ожиданиями одежду, которую носил годами, потому что «так надо». И впервые за долгое время почувствовать, как кожа дышит.

Она сделала глоток остывшего чая, поставила чашку и посмотрела прямо на Джиро.

— Но самое трудное впереди. Не просто осознать, что ты был марионеткой, а научиться больше не позволять никому дёргать за ниточки. Даже если они будут плакать, умолять, обвинять. Даже если скажут, что без тебя они пропадут. Потому что если ты снова подставишься — это уже будет не жертва, а предательство себя.

Джиро долго молчал, вглядываясь в собственные руки, словно видел на них следы всех тех невидимых верёвок, что тянули его в разные стороны. Потом медленно, но уверенно кивнул.

— Я больше не хочу быть удобным. Не хочу быть тем,

на кого можно свалить вину, когда что-то идёт не так. Хочу просто быть собой. Пусть это будет не идеально. Пусть кому-то я перестану нравиться. Но это буду я.

Юка улыбнулась — впервые за весь разговор по-настоящему, без горечи.

— Вот это и есть начало. Не громких клятв и обещаний, а тихого, твёрдого «я выбираю себя». И знаешь, — добавила она мягче, — когда человек перестаёт пытаться быть всем для всех, рядом остаются только те, кому нужен именно он. Настоящие. Без масок и иллюзий.

Они снова замолчали, но теперь тишина была другой — не тяжёлой, а спокойной, словно после долгого дождя воздух очистился. И в этой тишине оба почувствовали, как понемногу уходит тяжесть, копившаяся годами.

-Да, а ты хоть раз задумывался о том, что в реалии это все означает. Ведь это манипулятивные отношения, так действует человек с абьюзивными наклонностями, точнее с детскими психологическими травмами и не только, но и с травмами, впоследствии, перенесенными в социуме и своей собственной им созданной семье. Иначе говоря, с серьезными психическими отклонениями. Я, конечно, не говорю о тебе, хотя и у тебя есть такие травмы. Я говорю о тех женщинах, которые шли на это, конечно сложно понять кто из вас в большей степени абьюз или жертва. Мне кажется в равной степени. Они привыкли к тому, что они жертва и от этого уже испытывают наслаждение, наслаждение от эмоциональ-

ных всплесков, подвязанных на гормональном уровне. А ты выступал в положении жертвы и удовлетворял их жажду побывать на месте своего мучителя. В этом случае они становились абьюзером и вымещали на тебе свои психологические травмы, через поднятия своего эго и авторитета, через сексуальные утехы, которые на прямую связаны с гормональными всплесками. А в последствии и ты будешь это делать. Вот так и замыкается этот круг бесконечных психологических травм. Если продолжить эту мысль, круг действительно замыкается не из-за чьей-то «злой воли», а потому что роли становятся привычными, почти безопасными. Для того, кто привык быть жертвой, знакомый дискомфорт — это предсказуемость: «я знаю, как тут выживать». А для того, кто отыгрывает абьюзивную роль, контроль и поднятие эго компенсируют внутреннюю уязвимость, которую страшно признать. И когда эти два сценария встречаются, они идеально друг друга подкрепляют: один даёт повод «наказать» или «поставить на место», другой — право страдать и тем самым удерживать внимание.

Гормональная и эмоциональная подпитка, о которой говорится, делает этот сценарий ещё крепче: всплески адреналина, дофамина, кортизола создают эффект зависимости от этих отношений. Эмоции становятся наркотиком, а стабильность и спокойствие — чем-то подозрительным, «скучным», будто ненастоящим.

Но самое важное в этой схеме — она не приговор. Разрыв

круга начинается с того, что человек замечает свою роль не как судьбу, а как выученное поведение. Когда приходит понимание: «я делаю это не потому, что я такой, а потому, что когда-то это помогало мне выжить», появляется пространство для выбора. И тогда уже можно учиться другим способам справляться с уязвимостью — без необходимости ранить или позволять ранить себя.-Юки Ёсимура.

10.

Город встретил Томико радужными вечерними фонарями, узкими уютными улочками, плавно перетекающими в обширные площади с маленькими торгующими лавками и приветливыми торговцами. Среди лабиринта образных закоулков и зеленеющих тенистых садов, аутентичных рынков и оригинальных музеев, встречаешь живописные деревянные матаия (традиционные дома), за стенами которых трудятся мастера ремесленники.

Ярко рассказывающая о японском образе жизни, процветающая культурная стена города, особенно в квартале гейш. Где встречаешься с милыми девушками в кимоно с белоснежно накрашенным личиком и ярко красными губами, идущими мелкими шашками по проулкам стучащими каблучками гэта (старинная деревянная обувь). Гионе, освещенные веками театры славятся представлениями кабуки, стилизованными кукольными преферансами.

Однако существуют кварталы с полностью выстроенными

ми строгими стеклянными высотными зданиями, полные офисными помещениями с пестрящей электронной рекламой. Большие телевизионные экраны транслировали местные новости на уличные перекрестки проезжей части, скрещённой с переходами для людей.

Порой целое представление происходило на стенах зданий, где оконные стекла и стены являлись электронной матрицей для воспроизведения живой рекламы. Можно было любоваться, как движется бабочка, садящиеся на цветок ветки сакуры. Сменяясь, картинка плавно транслировала милого котёнка, играющего с бабочкой на улице города. На другой стене можно было увидеть героев аниме «Токийский гуль» в движении и сценой, происходящей в действии и сопровождении звука, оглушавшего прохожих своей внезапностью. Все это завораживало и очаровывало красотой и яркостью современного города, и целостности мира. Ты погружался всецело в экран мира города, транслирующего нам успех, радость, любовь, дерзость, немного пугая скоростью и внезапностью.

Прохожие, вторя обстановке, свои образы одежды и стилистики, переносили героев аниме на шумные уличные потоки офисных клерков. Живые реки людей разбавлялись стоящими на обочине группами девушек в школьной форме или парней в очень яркой молодежной одежде с причудливыми причёсками и украшениями.

Среди всей толпы можно было разглядеть чинно шеству-

ющие вне времени людей с наполовину обнажёнными торсами, на которых пестрили цветные наколки. Эти люди имели раскаченный профиль фигуры атлетического сложения, бритой головой или очень короткой стрижкой. Мимо идущие, старались аккуратно пройти, не задев ни малейшем образом шедших. По поведению и наколкам можно было понять, что это Якудза Киото (Kyoto) одна из самых почитаемых в мире, распространённых группировок Японии. Теневая часть общества, принимающая не малозначимую роль в ведении дел в управлении города.

На ответвлениях больших кварталов в прорезе маленьких закоулков города в центральной его части располагались бутики одежды, парфюмерии, цветов и кафе, от которого разносился запах свежа сваренного кофе.

Ей казалось, что у неё здесь начнется новая не изведанная, но столь манящая жизнь. Что она сможет все забыть и начать новую счастливую судьбу. Но документы о разводе еще были не готовы, и это очень мешало в полной мере почувствовать свободу.

Каждый раз, когда она смотрела на пустую комнату в съёмной квартире, представляя, как расставит здесь свои вещи, как повесит на стену любимые фотографии, где поставит маленький горшок с геранью, которую давно хотела завести, — в груди разливалось предвкушение чего-то светлого. Этот город будто шептал ей: «Ты можешь быть кем угодно. Ты можешь начать заново».

Но стоило ей открыть ящик стола, где лежала папка с бумагами, и увидеть на верхней странице штамп «в процессе рассмотрения», как это чувство тут же рассыпалось, словно песок сквозь пальцы. Она всё ещё была связана прошлым, всё ещё носила на себе невидимые оковы, которые не позволяли ей дышать полной грудью.

Иногда по вечерам, сидя у окна и глядя на огни большого города, Томико ловила себя на мысли, что боится даже мечтать о будущем. А вдруг всё это окажется иллюзией? Вдруг, как только документы будут подписаны, она поймёт, что никакой новой жизни не будет, а останется только пустота, которую придётся чем-то заполнять?

И всё же, несмотря на эти сомнения, в глубине души теплился огонёк надежды. Он был маленьким, едва заметным, но он был. И Томико изо всех сил старалась его беречь, напоминая себе, что даже самый долгий путь начинается с первого шага. А её первый шаг уже сделан — она уехала, оставила позади всё, что причиняло боль, и теперь просто ждала, когда прошлое окончательно отпустит её.

11.

Одним вечером Томико решила сходить, куда ни - будь развлечься, но так как она не знает город, то решила это сделать с кем-то. Немного подумав, она вспомнила о визитке, полученной от молодого человека, и решила позвонить к нему. Ведь на визитке указан номер хостеса, возможно в

его обязанности входит и это. Быстро бросившись к своей сумочке, она стала рыться в ней, ища визитку. Для того что бы лучше увидеть её, она высыпала содержимое на кровать, и вот пестрая маленькая бумажечка показала свой уголок из-под пудреницы. Томико схватила визитку дрожащими от волнения пальцами — будто сама судьба подсказала ей этот выход из вечерней тоски. На глянцевой картонке значилось имя — Джиро, — и под ним изящным шрифтом: «Хостес. Сделаю ваш вечер незабываемым». В груди ёкнуло: а вдруг он уже занят? Или решит, что она слишком навязчива? Но раздумывать было некогда — город манил огнями, а сидеть в четырёх стенах не хотелось ни минуты.

Глубоко вдохнув, она набрала номер. Гудки тянулись мучительно долго, и Томико уже готова была сдаться, решив, что сегодня точно не её день. Но в трубке вдруг раздался мягкий, чуть хрипловатый голос:

— Алло? Это Джиро. Чем могу помочь? — немного томным голос мужчины ответил ей.

Томико на секунду растерялась, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Привет... Это Томико. Мы встречались пару дней назад, ты дал мне визитку... Прости, если отвлекаю, но я тут в городе совсем одна, не знаю, куда пойти... Может, подскажешь какое-нибудь место? Или... если у тебя есть время, мог бы составить компанию?

В трубке повисла короткая пауза, и сердце Томико ухну-

ло куда-то вниз. «Сейчас откажет, — пронеслось в голове. — Скажет, что занят, что это не входит в обязанности хостеса...»

Но вместо этого Джиро тихо рассмеялся — не насмешливо, а по-доброму, словно её звонок его искренне обрадовал.

— Томико! Рад слышать. И да, я как раз свободен. Знаешь, есть одно местечко — не слишком шумное, но с потрясающим видом на город и лучшим в округе чаем с жасмином. Думаю, тебе понравится. Давай встретимся у фонтана на центральной площади через полчаса? Я всё устрою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.